

Первой мыслью, проникнувшей в туман полубессознательного состояния, в котором пребывал гвардеец Хоук, было подозрение, что на этот раз он переборщил с выпивкой и влил в себя что-то превысившее возможности его организма. Попойки Хоука вошли в историю, но никогда он еще не чувствовал себя так плохо: как будто разъяренный карнозавр исколошматил его с головы до ног, превратив тело в один сплошной синяк.

Вокруг было темно и пыльно, легкие работали с трудом, и Хоук закашлялся, пытаясь понять, что происходит. Он медленно открыл глаза и подождал, пока взгляд сфокусируется. Прямо перед ним была рокритовая поверхность, очень похожая на пол станции слежения, но кроме нее ничего не было видно. Клубы пыли призраками парили в оранжевом свете.

Хоук попробовал повернуться, и обжигающая боль пронзила левое плечо, заставив его ругнуться; по руке стекало что-то липкое. Он осторожно повернул голову и попытался сориентироваться в выжженных, пропитанных едким дымом руинах, среди которых оказался. У стены лежала обугленная бесформенная масса, но в полумраке Хоук не мог понять, что это такое. В ушах звенело, и всякий звук от собственных движений казался дребезжащим и бесконечно далеким. Он опять повернулся, перекатился на спину и заскрипел зубами от боли, вновь окатившей плечо. Но после этого маневра ситуация немного прояснилась. Его ноги были зажаты под чем-то тяжелым, — извернувшись, Хоук разглядел, что это был разбитый корпус вокса.

С трудом выползая из-под тяжелых обломков, Хоук по крупицам вспоминал события, произошедшие...сколько же времени прошло? Он сел, прислонившись спиной к стене, и здоровой рукой ощупал рану. Он помнил лязг гранат, упавших на пол бункера. Одну ему удалось спихнуть в зумпф, но другая взорвалась раньше, чем он до нее добрался. Благодарение Императору, что старое оборудование этой проклятой станции оказалось достаточно громоздким и прикрыло его от разрушительной силы взрыва.

Он потерял руку — глубокая рана в плече отозвалась новой вспышкой боли — и перевел взгляд на почерневшую массу у противоположной стены. Поблескивание обнажившихся костей, скрюченная от огня рука — Хоук понял, что это его бывший сослуживец, Хитч.

Жалеть Хитча Хоук не мог, у него было достаточно собственных проблем: например, что ему, черт побери, теперь делать? Все оборудование станции было разбито, и он знал, что починить его не сможет. Он застрял на вершине этой злосчастной горы, откуда вниз не было никакой сносной дороги, плюс рука болела, как последняя сволочь.

Со стоном Хоук поднялся на трясущиеся ноги и оперся о стену. Грудь болела при каждом вздохе, наводя на мысль о сломанных ребрах. Шатаясь, как пьяный, он потянулся к металлическому ящику, частично похороненному под останками автопушки и консоли вокса. Ногой отшвырнув мусор, Хоук потянул крышку вверх, достал из ящика холщовый рюкзак и пошарил внутри. Он нащупал небольшую аптечку, вскрыл упаковку и, морщась от боли, стянул с себя шинель и рубашку.

Все время, пока Хоук обрабатывал рану анальгетиком и накладывал на руку давящую повязку, он не переставал размышлять о том, кто же на него напал. Он задумался об этом только

сейчас, когда мысли прояснились и приобрели некоторую связность. Рассмотреть хорошенько нападавших он не успел, но кто бы это ни был, они были поистине гигантами. Он смутно помнил что-то огромное серо-стального цвета — колосса, который мог быть только космическим десантником.

Дыхание перехватило, медицинские процедуры были забыты.

Космические десантники...

Ему доводилось сталкиваться с космодесантом. Несколько раз ему по невезению выпало дежурство в «Надежде», и он видел, как они выгружаются из тяжелых боевых кораблей. Поначалу Хоук был поражен их внушительным телосложением, ему захотелось заговорить с одним из них, расспросить о битвах, в которых он участвовал, о местах, где побывал. Но их сдержанное поведение, военная выправка и крупнокалиберное оружие ясно говорили, что такой поступок станет самой серьезной ошибкой в его жизни — и, к тому же, последней.

И все же в неизвестном воине, которого Хоук даже не разглядел, было что-то, что заставило его задрожать от страха. Он не был похож на тех космодесантников, что Хоук видел раньше. Несмотря на все их неприступное превосходство, ни в одном из них, даже если он и удостаивал гвардейца взглядом, не чувствовалось такой внушающей ужас древней злобы. Здесь же было что-то совершенно иное.

Внезапно Хоук понял, что его мечты о боевых действиях исполнились самым недвусмысленным образом, и на его перемазанном пеплом лице появилась кривая улыбка. Он столкнулся один на один с врагом и выжил. Посмотрев еще раз на тело у стены, он понял, почему нападающие не стали добивать его: они увидели труп Хитча и подумали, что это он. Хоук рассмеялся; смех вышел нервным.

— Ну, малыш Хитчи, — сказал он, хихикая, — кажется, тебе все-таки удалось сделать в жизни хоть что-то полезное.

Как и большинство людей, знавших Хоука, враг недооценил его. Внезапно он разозлился: проклятье, он солдат, и он еще заставит этих ублюдков понять это.

Прижав руку к груди, он соорудил нечто вроде перевязи из бинтов, обнаружившихся в аптечке, после чего вытряхнул содержимое рюкзака на пол, отпихнул в сторону те предметы, что стали бы только бесполезным грузом, и сложил внутрь все, что могло пригодиться. После взрыва таких вещей осталось немного. Он упаковал все продовольственные пайки, которые смог найти, а также пару бутылок с гидратирующими капсулами. В поисках таблеток детокса он проверил карманы шинели и вздохнул с облегчением, обнаружив коробочку во внутреннем кармане. Без этих таблеток он мог сразу пустить себе пулю в лоб: яды, содержащиеся в атмосфере, поразили бы его в течение суток, не принимай он регулярно очищающие препараты, которые Адептус Механикус Биологис производили для солдат. На вкус эти таблетки были противнее всего, что Хоуку приходилось пробовать, но если они сохраняют ему жизнь, он готов и потерпеть. В любом случае, в запасе их было не слишком много...

Он пошарил в ящике, вытащил потрепанный дыхательный аппарат и также уложил его в рюкзак. Кислорода в аппарате оставалось чуть больше половины, но и это могло пригодиться, если его в пути застанет одна из столь частых в этих горах пыльных бурь. Вытащив со дна ящика портативный вокс-передатчик, Хоук расплылся в улыбке, хотя слово «портативный» тут было уместно разве что в шутку. Громоздкие батареи весили по килограмму каждая, а само устройство займет большую часть рюкзака. И все же, кажется, кто-то говорил, что нет на поле боя ничего опаснее, чем человек со средствами связи.

Лично Хоук предпочел бы лазпушку, но такова жизнь.

Он опустошил рюкзаки Хитча и Чаредо и перерыл личные вещи своих погибших сослуживцев. Компас и магнокуляры, когда-то принадлежавшие Чаредо, отправились в один из карманов вместе с шестью батареями для лазгана. Блестящий нож в ножнах из тисненой кожи, когда-то бывший гордостью гвардейца Хитча, был прикреплен на пояс, а обгоревшее тело удостоилось короткого кивка.

— Не возражаешь, если я возьму его? Нет? Я так и думал. Спасибо, Хитч.

Удостоверившись, что он спас все, что еще оставалось целым из скудных запасов станции, Хоук перешел к поискам своего лазгана — принялся переворачивать вверх дном покореженные обломки и разгребать наносы янтарного цвета пыли, просочившейся в дверь.

Вот. Он наклонился и, ухватившись за приклад, извлек оружие из-под слоя пыли. Ствол оказался погнут, и Хоук, с недовольным ворчанием отбросив ставший бесполезным лазган, направился к перекошенному дверному проему.

Выйдя наружу, он сощурился на ярком свету и уставился в немом удивлении на высокие столбы дыма вдалеке, поднимавшиеся над Иерихонскими Водопадами.

— Священная кровь Императора! — прошипел Хоук, глядя в небо, заполненное гигантскими кораблями — настолько гигантскими, что они просто не имели права летать. В Водопадах было оживленнее, чем когда-либо. Десятки тысяч людей и единиц техники заполнили окрестности космопорта — столько Хоук не видел даже во время большого сбора на Джуране, когда целый полк готовился к отправке.

Его колени подкосились, и, упав на землю, Хоук даже сквозь полевую форму почувствовал жар, исходящий от пепла на горном склоне. Как можно было предположить, что кому-то удастся организовать операцию таких масштабов?

Вытянув руку для опоры, Хоук нащупал холодный металл, и его пальцы сомкнулись на стволе ружья. Это оказался лазган джуранской модели; на прикладе темнели пятна крови. Улыбнувшись, он поднял оружие и увидел, что индикатор заряда оптимистически светится зеленым.

Вновь исполненный решимости, Хоук поднялся на ноги.

Нужно было что-то делать, но что?

Со столькими ему не справиться. Даже примархи космодесантников, герои преданий, отступили бы перед столь неравными силами; и все же Император сделал так, что у него появился шанс показать, на что он способен. Что конкретно он будет делать, он пока не знал, но изобретательности ему не занимать — что-нибудь да придумает.

С того места, где стоял Хоук, цитадели было не видно, но горный кряж, узкий, как лезвие ножа, проходил с севера на запад от станции слежения и поднимался еще на тысячу метров или около того — оттуда будут прекрасно просматриваться как долина, где расположена цитадель, так и космопорт Иерихонских Водопадов.

Хоук повесил лазган на плечо и стал пробираться между скал вверх по все более крутому и неровному склону. Глубоко вдохнув, он закашлялся — от пыльного воздуха перехватило горло — и критически взглянул на сложившуюся ситуацию.

Один в горах, при себе только переносной вокс, ружье с шестью батареями для перезарядки и боевой нож.

«Трепещите, враги Императора», мрачно подумал Хоук и начал подъем.

Глава 3

Форрикс наблюдал, как очередная колонна грузовых платформ, везущих солдат с землистого цвета лицами, пересекает взлетную полосу по направлению к выезду из космопорта. Непрерывный ревуший поток самых разных видов транспорта протянулся от вместительных грузовых отсеков целой флотилии судов: едва те касались земли, как их трюмы начинали изрыгать вереницу танков, грузовиков, фур, бронетранспортеров и передвижных артиллерийских установок. Тысячи машин проезжали мимо него, и каждая на всех этапах пути следовала указаниям Железных Воинов из Великой роты Форрикса. Элемент случайности был полностью исключен, и все детали этого снабженческого кошмара были Форриксом тщательно продуманы и спланированы.

Каждое судно заходило на посадку по точно рассчитанной схеме: подняв тормозными двигателями непроницаемые для взгляда клубы пепла, оно освобождалось от груза и уступало место следующему в четко определенной очередности. Форрикс точно знал, капитаны каких судов отличались осторожностью, а какие любили полихачить, сколько времени каждому из них требовалось на посадку и как эффективно в каждом случае работали наземные команды. Шум над космопортом стоял оглушительный, и большинство обычных людей, участвовавших в этой высадке, навсегда лишатся слуха.

Несведущему наблюдателю космопорт показался бы сутолокой из тел и машин, но,

присмотревшись внимательнее, он бы заметил систему, лежащую в основе всех передвижений. Это было не случайное броуновское движение, а тщательно организованный маневр, сложную схему которого смог бы разглядеть только тот, кто много веков занимался перемещением столь огромного числа людей и техники.

Имперские логистики были бы поражены самим масштабом операции и скоростью, с которой она разворачивалась. И если бы не святотатственная природа миссии, стоявшей перед Железными Воинами, эти же логистики с радостью бы преклонились перед Форриксом и униженно просили бы поделиться с ними опытом.

Воины Форрикса руководили передвижениями как внутри космопорта, так и вне его. Жалкие оборонительные сооружения, разрушенные при первой атаке, теперь восстанавливались, а для защиты от нападения извне возводились контрвალационные линии[1]. Форрикс не сильно верил в возможность такого нападения, но так предписывали правила. Если исторические свидетельства и собственный опыт чему и научили его, так это тому, что наиболее уязвимым становишься, когда не ждешь атаки.

Со скоростью, которая заставила бы почувствовать некомпетентность даже самых лучших Имперских инженеров, по периметру космопорта вырастал похожий на кошмарный сон лабиринт окопов, заграждений из колючей проволоки и укрепленных огневых сооружений. Форрикс предполагал, что еще до ночи контрвალационные линии будут закончены, и Иерихонские Водопады станут более неприступными, чем когда-либо за всю свою долгую историю.

Хотя Кузнец Войны заверил их, что с разрывом астропатических коммуникаций планета оказалась отрезана от всей галактики и у Имперских сил не осталось никакой возможности позвать на помощь, Форрикс не мог допустить, чтобы космопорт — зона его ответственности — оставался незащищенным, и сам этой уверенности не разделял. Джарек Келмаур, колдун, приближенный к Кузнецу Войны, выглядел обеспокоенным, когда тот твердо заявил, что Имперские астропаты не представляют угрозы, и Форриксу стало любопытно, не тяготит ли совесть колдуна некий тайный проступок. Может быть, имперским силам, несмотря на козни колдуна, все же удалось отправить сообщение кому-то за пределами планеты? В этой гипотезе что-то было, и Форрикс решил пока не сбрасывать ее со счетов, чтобы в будущем при случае использовать в своих интересах. Интриги уже давно перестали занимать его, но он был достаточно дальновиден, чтобы понимать: знание дает силу, и никогда не будет лишним иметь в запасе козырь, который можно обратить против конкурентов. Пока же он не будет исключать даже слабую возможность того, что осада с цитадели будет снята, а потому станет соответственно планировать и собственную линию обороны.

На информационном планшете высветилась новая руна, и Форрикс, забыв на время о наполненных паранойей интригах, составлявших самую суть Железных Воинов, стал наблюдать, как основную взлетно-посадочную полосу быстро очищают от солдат и транспортов перед прибытием еще одного огромного корабля — на фоне темнеющего янтарного неба было видно, как он снижается в рокоте и пламени тормозных двигателей. Едва корабль вышел за границу посадочной зоны, как гнетущая тень медленно заскользила по земле, накрывая весь космопорт целиком подобно вязкому нефтяному пятну.

Контрвалационная линия — линия непрерывных укреплений, которые возводят осаждающие, чтобы обезопасить себя от вылазок противника.

Форрикс не глядя узнал транспорт, заходивший на посадку, и пока другие более впечатлительные натуры задирали головы, таращась на спускающегося к Иерихонским Водопадам левиафана, сам он испытывал только раздражение из-за того, что судно опоздало почти на тридцать шесть секунд. Воздух сотряс стон, как будто мир раскололся на части, затем послышался протяжный скрип массивных органических поршней и зубчатых колес, заглушивших низкое гудение устройств, благодаря которым чересчур громоздкое судно могло летать. Во вселенной не было ничего, подобного этим древним и загадочным механизмам: созданные специально для этого корабля, они представляли собой смесь органических элементов и технологии давних времен. В их создании слились воедино достижения биологической сверхэволюции, колдовство и инженерный гений, а физическим принципам, лежавшим в основе их действия, не было места в природе. Форрикс прекрасно знал, что производство подобных устройств было возможно только в Глазе Ужаса — той области космоса, где варп прорывал ткань реальности и отменял все ее законы, области, которую Легионы Хаоса звали домом.

Зловещая тень остановилась в своем движении, но оглушительный скрежет не прекращался, и Форрикс посмотрел вверх, чтобы убедиться, что корабль сохраняет предписанную высоту. Груз в его трюмах был крайне важен для успеха всей кампании.

Огромный корабль внешне напоминал горный утес, который перевернули на бок и на многие тысячелетия оставили лежать в глубинах бездонного океана. Черный глянец его древней поверхности, похожий на панцирь какого-то омерзительного насекомого, был усеян порами, наростами и сочащимися жидкостью отверстиями, а брюхо испещрили подобные сфинктерам углубления, блестевшие в жарком мареве.

Когда-то этот корабль странствовал в ледяной пустоте космоса от галактики к галактике, пересекая неизмеримые расстояния, и служил домом для миллиардов существ, чье сознание, слившееся в коллективный разум, подчинялось лишь одному инстинкту — поглощать органическую материю и множиться. Каждая особь в этом едином сознании действовала в полном подчинении титаническому сверхразуму, и, дрейфуя от планеты к планете, корабль оставлял за собой лишь безжизненный камень. Кузнец Войны положил этому конец, заразив нервную систему корабля тем же техновирусом, что поражал безумных стирателей; так была прервана жизненно важная для улья связь с родительским кораблем и разрушен защитный кокон общности.

Никто не смог бы сказать, как долго космический левиафан сопротивлялся инфекции, но в конце концов колдуны Кузнеца Войны сломили его защиту и, когда сознание его почти угасло, переправили осто в Глаз Ужаса.

Возможно, живой корабль надеялся, что ему окажут помощь, но в этом случае его ждало

жестокое разочарование. Оскверненный и изуродованный, теперь он был вынужден подчиняться желаниям Кузнеца Войны и стал лишь одной из шестеренок в механизме, воплощающем его грандиозный план.

Сейчас корабль более двух километров длиной немислимым образом завис над Иерихонскими Водопадами. Его грузовой отсек, похожий на раздувшееся брюхо мифического морского чудовища, был открыт, извергая фонтаны гнилостных газов.

Две фигуры выступили из жаркой тьмы его ребристого трюма и медленно спустились на землю. Их встретили криками, в которых ужас перемешался с восторгом: так простые смертные, ставшие солдатами на службе у Железных Воинов, приветствовали своих богов войны.

Два гигантских линейных титана Легио Мортис, чей корпус опутывали метровой толщины щупальца-кабели, спустились на Гидру Кордатус. Вначале из тьмы появились их массивные, похожие на бастионы ноги, испещренная амбразурами броня которых несла на себе шрамы тысячелетий войны; затем показались огромные торсы и бронированная грудь.

Созданные по образу человека, они не были ему подобны. Их могучие, но сейчас неподвижные руки соединялись с широкими, как башни, плечами и несли орудия, размером превосходившие здание. Наконец, показались их головы, и даже Форрикс, в избытке вкусивший войны, был поражен той ужасающей мощью, что исходила от этих величественных машин. Никто не знал, какую роль в их создании сыграла воля Темных Богов, но весь их демонический лик светился незамутненной силой Хаоса, как будто часть этой неукротимой энергии воплотилась в их жестоком обличье.

Исполины шагнули на землю, и та загудела, словно от поступи разгневанного божества. Блестящие, похожие на щупальца кабели освободились из креплений и втянулись обратно в брюхо носителя, освобождая место для выгрузки следующей пары титанов.

Форрикс посмотрел на двух титанов, застывших на летном поле; даже в их неподвижности ощущались мощь и величие. За спиной более крупного змеился хвост, увенчанный шипастым шаром размером больше, чем сверхтяжелый танк, и при виде этого сокрушительного орудия собравшиеся воины разразились криками восторга.

Раздался оглушительный вой, и руки колоссов пришли в движение, подчиняясь зловещему и яростному духу, что давал жизнь этим машинам. Первая из них, титан класса «Император», когда-то служила мертвому богу и была известна под внушавшим ужас именем «Диес Ире». Титан шагнул вперед, и земля содрогнулась под исполинскими ногами. Демонический принцепс, управлявший машиной, явно торопился повести титана в бой, пока тот не обрушил свой гнев на своих же союзников.

«Патер Мортис», смертоносный спутник «Диес Ире», направил свои орудия к небу, словно благодаря богов за возможность еще раз принять участие в войне, и мир содрогнулся от его исполненного жаждой битвы рева. Уступая в размерах «Диес Ире», он следовал за своим более

массивным собратом, как верный помощник.

Глядя, как могучие машины разрушения покидают космопорт и удаляются в сторону гор, Форрикс позволил себе сдержанно улыбнуться. Танки и пехота мельтешили у ног титанов. Те, кому уже доводилось сражаться рядом с этими губительными колоссами, проявляли здравомыслие и соблюдали дистанцию; те же, кто впервые видел это физическое воплощение могущества своих повелителей, в благоговении подбирались поближе. Многие из солдат, бестолковых смертных, дорого заплатились за столь неразумное рвение: с каждым шагом гигантов под их ногами гибли толпы людей.

Очередные два титана уже спускались на поверхность планеты, и прежде, чем операция завершится, за ними последуют еще и еще. Форриксу многое предстояло сделать, но он был доволен, что все продвигается по плану.

Еще два часа — и здесь будет армия, готовая обрушиться железным штормом на этот мир и разорвать его на части.

Глава 4

Ларана Уториан из последних сил старалась не обращать внимания на боль в искаленной руке. Даже если ей удастся выжить в этом кошмаре (а шансы на это, откровенно говоря, были невелики), руки она лишится. Об этом позаботился великан, пригнавший пленных сюда; благодаря ему в ее руке не осталось ни одной целой кости или связки. Каждый шаг пронзительной болью отзывался во всем теле, и только невероятным усилием воли она удерживалась от того, чтобы не упасть на колени и просто сдаться.

Она видела участь, постигшую тех, кто так и поступил, и ей совершенно не хотелось превратиться в вопящий, ослепший кусок мяса и встретить смерть под гусеницами одного из танков предателей. Она умрет стоя, как подобает настоящему солдату Императора.

Сосредоточившись на том, как сделать следующий шаг, и не смея отвести взгляд от затылка идущего перед ней мужчины, она упорно продолжала мучительный подъем. Внезапно шедший впереди остановился, и, подняв взгляд, она почувствовала, как в животе зашевелился обжигающий, тошнотворный страх: перед ними возвышались неприступные каменистые склоны Тор Кристо. До серых бастioned на скалах было больше километра, но Ларане казалось, что она может различить лица артиллеристов и солдат на стрелковых ступенях. О чем они думали? Что они чувствовали — страх или напускную храбрость, продиктованную верой в неуязвимость этих высоких стен? Ларана надеялась, что все-таки страх.

Ее колонна двинулась вперед, а мимо в клубах выхлопного дыма с ревом проехали грузовики. Достигнув головы колонны, они резко остановились, и в сердце Лараны внезапно затеплилась надежда. В кузовах машин стояли люди в багровых комбинезонах с грубыми нашивками в виде восьмиконечной звезды на левой стороне груди, и вскоре удивленные пленники получили в свои руки поврежденные, но все еще пригодные к бою ружья. Если эти вероломные шавки думают, что Драгуны Джурана будут сражаться на их стороне, то они еще более безумны, чем

ей показалось поначалу. Как только ей выдадут оружие, она сразу же обратит его против тех, кто взял ее в плен, и плевать на последствия.

Но едва одно из ружей оказалось у Лараны, как все надежды на быструю смерть в последнем бою развеялись без следа. От оружия остался только каркас; внутренний механизм отсутствовал. Она чуть не расплакалась от разочарования, но жестоко приказала себе сдержаться. Чьи-то руки схватили ее и потянули вперед вместе с остальными, а потом — вверх, в кузов грузовика. Из-за охватившего ее оцепенения она не могла сопротивляться и, оказавшись в битком набитом транспорте, только закусил губу, стараясь не закричать от боли во все усиливающейся давке. Невыносимая вонь страха пропитала воздух: солдаты исчерпали все запасы мужества, и ужас заставил их запятнать себя рвотой и экскрементами.

Ее прижало к борту грузовика, откуда она могла только мельком видеть, что происходит снаружи. Двигатели взревели в оглушительном крещендо, и ей удалось рассмотреть, что по краю плато в одну линию выстроились сотни грузовиков, так же набитых людьми. Там и тут между ними виднелись приземистые бронетранспортеры, аналогичные тем, что ей доводилось видеть на службе у космических десантников. Она знала, что такой тип техники назывался «Носорог», но эти транспортеры сильно отличались от величественных машин, которыми пользовались Адептус Астартес. Броня их, словно лоснящаяся шкура, отливала отвратительным маслянистым блеском и по всей поверхности была украшена цепями, шипами и черепами. Шум выхлопа их двигателей напоминал рев голодного хищника, и каждая машина была готова сорваться с места, как будто дрожа от негодования из-за вынужденной задержки.

Грузовик дернулся вперед, взрывая колесами пыльную землю, и Ларана до крови закусил губу. Голова ужасно закружилась, и она вцепилась в приклад бесполезного лазгана, стараясь не думать о грядущем кошмаре.

Артиллерист первого класса Дервлан Чу с откровенным удовольствием наблюдал за приближением строя вражеских машин через панораму одной из артустановок «Василиск», размещенных за стенами бастиона Кейн. Статические помехи снижали резкость и картинка получалась зернистой, но от этого изображение не становилось менее прекрасным. Просто мечта каждого артиллериста. Мысленно разделив пополам сначала всю линию строя, а потом и получившиеся половины, он попытался подсчитать число целей, приближавшихся к крепости. По такой грубой оценке выходило около трехсот грузовых машин, без сомнения, доверху набитых нечестивыми изменниками, готовыми броситься на бастионы Тор Кристо, плюс два десятка БТРов.

Эти идиоты даже не потрудились провести артиллерийскую подготовку атаки или обеспечить дымовое прикрытие. Если это все, на что способен противник, то предупреждения ротных командиров были, по большому счету, излишними. Защитники крепости отправят этих безмозглых предателей домой по кускам.

Чу уже наметил зоны огня для своего орудия, границы эффективной дальности стрельбы ему были в точности известны, и заряжающие уже поместили в казенник один из снарядов в метр длиной. Он на мгновение отвлекся и, окинув быстрым взглядом огневые позиции, на которых развернулась артиллерийская группа, с удовольствием отметил, что все орудия заряжены и готовы к бою. Джефен, командир соседнего «Василиска», улыбнулся ему и поднял вверх

большой палец.

Рассмеявшись, Чу крикнул ему:

— Доброй охоты, м-р Джефен! Спорим на бутылку амасека, мы сегодня обойдем в счете вас и ваших ребят!

Джефен небрежно отсалютовал и выкрикнул в ответ:

— Принимаю, м-р Чу. Нет ничего вкуснее, чем амасек, за который тебе не надо платить.

— Правда ваша, а потому к вечеру у меня будет чем себя порадовать, м-р Джефен.

Машины неприятеля с рокотом приближались, и Чу вновь сфокусировался на прицеле. С высоты, на которой он находился, рев двигателей слышался как далекое рычание; позади машин вились клубы дыма и пыли, и вскоре они окажутся в зоне поражения.

Чу развернулся на командирском сиденье, чтобы понаблюдать за старшими офицерами Кристо: они собрались позади орудий вместе с вездесущими жрецами Бога-Машины и сейчас изучали показания огневого логистера, без сомнения, уже подсоединенного к приборам прицеливания пушек. Адъютант в ливрее и с серебряным подносом в руках разносил офицерам хрустальные бокалы с амасеком; другой раздавал защитные наушники. Офицеры смеялись над каким-то анекдотом и поднимали тосты за успех операции, залпом осушая бокалы. Затем они сняли фуражки и надели наушники. Один из офицеров, в котором Чу узнал майора Тедески, подошел к орудиям и поднес к губам переносной вокс.

Рядом с Чу зашипел покрытый масляными потеками динамик, и резкий, отрывистый голос Тедески объявил:

— Мое почтение, господа. Можете открывать огонь по готовности.

Чу ухмыльнулся и, вернувшись к прицелу, стал следить, как по мере приближения противника уменьшаются показания дальномера.

Хонсю спустился в экипажный отсек «Носорога» и закрыл за собой крышку люка. От болтеров пока особой пользы не было, а оставив люк открытым, он бы только пошел на неоправданный риск. Машина дергалась и подпрыгивала на неровностях почвы; вернувшись на место командира, он заметил, что водитель сбавил ход, чтобы пропустить вперед грузовики с пленными. Перед возвышенностью, на которой располагалась крепость, наверняка были минные поля, и грузовики должны были пройти по ним первыми.

Воины в отсеке затянули мрачную и заунывную молитву — воззвание к Темным Богам, слова которого без изменений прошли через десять тысячелетий. Закрыв глаза, Хонсю погрузился в

монотонный звук речитатива, шепча про себя слова вместе с хором голосов. Он крепко сжал рукоять болтера, хотя время утолить голод оружия кровью предателей еще не настало. Сегодняшний день принесет смерть только никчемным пленникам, но они и так потеряли право на жизнь, упрямясь в своем нежелании покориться той единственной силе, что могла спасти человечество от разнообразных ужасов этой вселенной.

Что, кроме Хаоса, могло помочь человечеству остановить неумолимую экспансию тиранидов, противостоять варварским оркам и пережить катастрофу, что несли в себе древние боги звезд, уже пробуждавшиеся от векового сна? Только в Хаосе разрозненный людской род мог объединиться и дать отпор тем, кто стремился его уничтожить. Солдаты же бога-трупа, сопротивляясь Хаосу, лишь способствовали гибели того, что должны были защищать.

Что ж, огромная работа, проделанная в ходе этой кампании, еще на шаг приблизит окончательную победу Хаоса, и Кузнец Войны обязательно позаботится, чтобы благосклонность богов стала вознаграждением тем, кто оказался ему полезен. Это была воистину бесценная награда, и ради нее Хонсю был готов рискнуть всем.

Рев двигателя усилился, выводя его из задумчивости. Пришло время перейти к следующему этапу наступления.

Грузовик подпрыгивал на каждой кочке, и от боли у Лараны Уториан подкосились ноги. Ее бросило о борт машины, колени подогнулись, и она ударилась лицом о деревянную обшивку. Во рту появился привкус крови от выбитого зуба.

Она попыталась встать, но в давке не смогла даже пошевелиться. Со всех сторон ее толкали и пинали, а брюки пропитались нечистотами, залившими пол кузова.

Сквозь щель в облицовке борта ей был виден соседний грузовик, его водитель, одетый в багровую униформу, нисколько не обращал внимания на неудобства пассажиров, подобно скоту загнанных в кузов. Ларана встретила взглядом с молодым солдатом прямо напротив нее: его глаза широко раскрылись от ужаса, а на грязном лице виднелись следы слез. Во взгляде юноши застыла безмолвная мольба, но Ларана была не в силах хоть как-то помочь ему. Потом его грузовик прибавил скорости, словно хотел выиграть гонку, и сходу проскочил густые заросли кустарника.

Громадной силы взрыв подбросил машину в воздух, перевернул вверх тормашками и расколол раму шасси надвое. Перед глазами до сих пор стояли яркая вспышка взрыва и отсветы пламени, но и сквозь них Ларана видела, что тела разбросало во все стороны. Заглубленная мина выбросила вторичные убийные элементы — противопехотные снаряды, которые взорвались через несколько секунд и оставили только клочья от тех, кому повезло пережить первый взрыв. Клубы пыли, скрывшие обломки грузовика, вскоре остались позади, и Ларана так и не смогла разглядеть среди них юношу. Она была уверена, что он не выжил.

Ее по инерции бросило вперед. Послышались новые взрывы, и крики ужаса стали еще громче. Окутанный густым облаком красной пыли, грузовик резко остановился. Что происходит? Она

слышала крики и вопли, полные отчаяния, а затем задний откидной борт грузовика открылся, и огненно-красный свет проник внутрь. Резкие окрики и удары утыканных шипами дубинок погнало пленников к выходу, лишая даже той призрачной защиты, которую давал им кузов.

Выгрузка шла полным ходом, и людской поток поднял Ларану на ноги и выбросил наружу, на твердую, как камень, землю. Десятки разбитых машин, подорвавшихся на минах, лежали в клубах черного дыма. Повсюду виднелись тела убитых, кричали раненые, но пленники двигались только вперед, подчиняясь погонщикам. Ощетинившиеся шипами «Носороги» остановились позади дымящихся обломков, и железным гигантам, конвоирам пленных, понадобилось всего несколько отработанных движений, чтобы высадиться и занять боевую позицию.

Мимо Лараны прошел, спотыкаясь, обезумевший от страха мужчина. В глазах его застыл ужас, и шел он в направлении, откуда только что прибыли грузовики. Один из огромных воинов застрелил его, одним небрежным выстрелом превратив туловище несчастного в месиво. Ничего не видя в пыли и потеряв от боли чувство реальности, Ларана поднялась на ноги. От едкого дыма слезились глаза; раненая рука онемела. Шатаясь, она двинулась туда же, куда бежали все. Прочь от опасности? Она не знала.

В ушах звенело от криков, исполненных боли и паники. Она крепко сжала в руке ствол бесполезного лазгана, дав себе слово, что еще до вечера проломит им череп врагу. Позади раздались новые выстрелы. Одно из изрешеченных, окровавленных тел отбросило прямо на нее, над головой свистели пули. Она оттолкнула труп в сторону и нырнула в завесу дыма.

Дервлан Чу нажал на спуск на щитке управления и зажмурился. «Василиск» выстрелил. Сила отката вдавила массивный ствол в гусеничный лафет, который закачался, несмотря на стопоры, а грохот взрыва не заглушили даже защитные наушники. Первый снаряд еще не достиг цели, а заряжающие уже открывали затвор, чтобы извлечь стреляную гильзу, и доставали из укладки новый патрон.

Он принял к прицелу, проверяя, насколько откат сместил наводку. Не так уж и сильно; он направил перекрестие панорамы снова в цель и подготовил прицел к следующему выстрелу.

— Заряжающий альфа готов! — крикнули снизу.

— Готов! — ответил замковый.

Чу улыбнулся. Первый снаряд еще был в воздухе, а оружие уже подготовлено к новому выстрелу. В ходе интенсивной подготовки его оружейный расчет был обучен действовать именно в таких условиях, и теперь результаты муштры не замедлили себя проявить.

Он навел перекрестие панорамы на дымящиеся обломки грузовика, вокруг которого потерянно бродили охваченные замешательством люди, и вновь нажал на спусковую кнопку.

Несмотря на крики и суматоху, Ларана Уториан услышала визг летящего снаряда и сразу же поняла, что за этим последует. Она упала плашмя и не сдержала вскрик от боли, которой удар отозвался в руках. Земля под ней встала дыбом, подбросив ее в воздух: первый снаряд «Василиска», достигнув цели, образовал воронку пятнадцать метров в диаметре и мгновенно обратился в ничто с десяток человек. Следом за ним в землю врезались новые снаряды, и та задрожала под ногами орущих людей, как от ударов гигантского молота. Взрывы первого залпа взметнули вверх целые обломки скал и тучи пыли. Ларана вновь упала, чувствуя, как от удара легкие лишаются последних запасов воздуха. Она перекатилась на бок, перевалилась через край воронки и рухнула на затянутое дымом дно.

Тут и там на стенках воронки виднелись ошметки мяса и обломки костей; от тяжелого запаха обугленной плоти и сгорающих веществ метательного заряда было трудно дышать. На дне от обстрела укрылся еще один пленный. Его рот был широко раскрыт в полном ужаса крике, но Ларана ничего не слышала, кроме оглушительного звона в ушах, казалось, наполнявшего собой всю черепную коробку. Она чувствовала, что из ушей у нее идет кровь.

Мужчина, укрывшийся на дне воронки, пошатываясь, двинулся к ней, беззвучно шевеля губами, но Ларана не обратила на него внимания и, сжимая в руке лазган, словно он мог магическим образом защитить ее, поползла вверх, к краю. Мужчина не собирался так просто сдаваться и теперь цеплялся за ее форму. Ларана оттолкнула его и выкрикнула что-то бессвязное, пытаясь перекрыть ударную волну нового залпа. Охваченный паникой мужчина осел на землю и, сжавшись в комок, принялся безостановочно раскачиваться.

Чувствуя, как от падающих снарядов сотрясается в чудовищных спазмах почва, Ларана уткнулась лицом в землю, цепляясь за ее неровности здоровой рукой. В рот набилась пыль, а ударная волна от взрывов грозила превратить кости в кашу.

Она знала, что здесь оставаться нельзя. Нужно возвращаться. Но куда идти? Снаряд мог упасть где угодно, а в этом наполненном дымом хаосе она совсем потеряла чувство направления.

Она ползком спустилась вниз к плачущему мужчине и, схватив его за ворот, потянула к дальнему краю воронки.

— Давай же! Надо идти назад! — кричала она, но мужчина мотал головой и отчаянно вырывался, сопротивляясь Ларане с силой обезумевшего.

— Если останешься здесь — погибнешь!

Он все так же качал головой, и Ларана не была уверена, слышал ли он ее вообще и был ли в ее словах хоть какой-то смысл. Что ж, она сделала все, что могла, и если этот полоумный не желает двигаться с места, заставить его она не сможет.

Новый взрыв сбил ее с ног и подбросил вверх, за край воронки.

Она упала на что-то мягкое и немедленно откатилась в сторону с криком ужаса, едва увидев, что это было: месиво из разорванной на куски плоти и оторванных, переломанных конечностей. В дыму виднелись тени бегущих людей, но она не знала, кто это и куда они направляются. Видимость сузилась до нескольких метров, дальше же дым и пыль вставали непроницаемой завесой. Почти на этой границе лежали тлеющие обломки перевернувшегося на бок грузовика; она поползла к нему по изуродованным трупам и телам кричащих раненых, безногих и безруких, но еще живых. Один стоял на коленях, рукой пытаясь вправить на место внутренности, выпавшие из широкой раны на животе. Другой засунул за пазуху собственную оторванную руку; третьего рвало кровью. С каждым метром пути открывались новые ужасы, и по лицу Лараны текли слезы, а земля под ней не переставала дрожать, словно все они оказались в эпицентре сильнейшего землетрясения.

Добравшись до горевших обломков, она истерически рассмеялась сквозь слезы, радуясь даже такой незначительной победе. Под разбитой кабиной лежал почерневший труп, разрубленный пополам при падении грузовика. Ларана разглядела, что на погибшем был тот же алый комбинезон, который носили все слуги врага, и внутри нее жарким огнем разгорелась ненависть. Она зарычала от страха и ярости и с силой опустила приклад лазгана на череп трупа. Всклипывая, она наносила удар за ударом, пока от черепа не остались только осколки, затем отбросила окровавленное оружие в сторону и попыталась укрыться под дымящимися обломками грузовика. Следы, оставленные его шинами, терялись в дыму и вели туда, откуда, как она полагала, начался их путь в это безумие. Она глубоко вздохнула и стала ждать следующий залп.

Она понимала, что шансов выжить нет, но и не хотела сдаваться; а потому, едва возникла пауза между взрывами, Ларана Уториан покинула свое убежище и направилась на поиски пути, который вывел бы ее из этого ада.

Едкий запах пороховых газов окутал бастион Кейн, но ни резь в глазах, ни звон в ушах не могли умерить ликования, охватившего Дервлана Чу. Атака захлебнулась, не преодолев и половины дистанции до Тор Кристо. Орудийным установкам удалось удержать врага в намеченных огневых зонах, внутри которых на вражеские цели обрушился весь боезапас артиллерии. Он точно знал, что его расчет поразил больше целей и за меньшее время, чем орудие Джефена, а потому с полным на то основанием предвкушал, как вечером получит в столовой свою бутылку амасека.

Уже смеркалось, к тому же значительную часть распавшегося боевого порядка, ранее состоявшего из сотен грузовых машин, теперь скрывали клубы дыма. Майор Тедески дал команду прекратить обстрел до тех пор, пока дым не рассеется: не было смысла тратить снаряды на уже разгромленного врага.

Чу откинулся на сиденье, облокотившись на ограждение орудийной платформы, и достал из кармана серебряный портсигар с черутом. Закурив сигарету, он бросил коробочку заряжающему и замковому.

— Хорошая работа, ребята. Думаю, в этот раз мы изрядно потрепали врага.

На перепачканных копотью лицах бойцов его расчета сверкнули улыбки.

— Когда Джеффен отдаст мне мой амасек, я обязательно с вами поделюсь.

Чу с удовольствием затаился черутом и еще раз взглянул в окуляр прицела. Дым уже начал развеиваться, и полный хаос, царивший на поле боя, радовал глаз артиллериста. Горящие обломки сотен машин усеяли землю, и пламя вздымалось до небес, поглощая как сами транспорты, так и нечестивых пассажиров. Пространство внутри огневых зон превратилось в изрытую воронками пустошь, и в результате неистового обстрела местность изменилась до неузнаваемости.

Повернув окуляр, он увидел, что орудия на бастионе Марса также поработали на славу. Пушкам Драконьего бастиона полагалось прикрывать подходы к Кристо с юга, и Чу без труда представил себе, как должно быть, разочарован командир его батареи из-за того, что честь пролить первую кровь досталась артиллеристам Кейна и Марса.

Он вновь установил прицел на собственной огневой зоне. Благодаря поднявшемуся ветру дым теперь рассеивался быстрее, и в сумерках уже можно было различить отдельные движущиеся силуэты. Чу удивился, заметив, что в зоне обстрела вообще кто-то умудрился выжить. Он усилил увеличение и в редящихся клубах дыма разглядел еще несколько машин — БТРы, которые он мельком видел незадолго до первого залпа.

Чу проверил показания дальномера и выругался. БТРы и стоявшие перед ними воины располагались в нескольких сотнях метров за пределами максимальной дальности орудия. По направлению к воинам двигалась горстка выживших; некоторые шли, некоторые ползли. Еще раз подняв кратность увеличения, он разглядел, наконец, грязную униформу целей, по которым велся обстрел, и почувствовал тошноту во взбунтовавшемся желудке.

Ни пыль, ни кровь не могли полностью скрыть небесно-голубой цвет формы 383-го полка Джуранских драгун. В ужасе он перевел прицел обратно на зону, по которой вело убийственный огонь его орудие, и застонал, и там обнаружив груды изломанных мертвых тел в так хорошо знакомой форме.

Чу осознал, что совершили он и его люди, и к горлу подступила тошнота. От одной мысли о бутылке амасека, которую он выиграл благодаря этой бойне, хотелось плакать.

Хонсю был доволен. С холодной бесстрастностью наблюдая за артобстрелом, что вели орудия форта, он отметил много полезного: дальность выстрелов, скорость полета снарядов, величину секторов обстрела каждого бастиона. Орудия самого южного бастиона в бою не участвовали, но Хонсю знал, что на такой дистанции они не представляют угрозы. В зону их поражения попадали только южные подходы к крепости, но артиллерия на ближних подступах и солдаты на стене могли с легкостью накрыть центральный бастион перекрестным огнем.

Благодаря авточувствам доспеха он видел поле боя даже сквозь дым взрывов и, несмотря на всю свою ненависть к гарнизону крепости, был вынужден признать, что орудия направляли

умелые артиллеристы. Умелые, но не умные. К концу обстрела Хонсю составил для себя точный план огневых зон Тор Кристо. Обычно за такую информацию приходилось платить слишком высокую цену кровью, но потери ничего не значили, когда в дело шли пленные.

Наблюдая, как те, кому повезло пережить обстрел, с трудом выбираются из зоны поражения, он взвел курок болтера. Фигуры, что появлялись из клубов дыма, выглядели так жалко, что смысла оставлять их в живых не было. Большинство из них не смогут быть рабами: как может оглохший человек понять и выполнить приказ? Какая польза от человека только с одной рукой? Как он будет рыть траншеи? Бесполезные люди Хонсю не интересовали.

Он кивнул своим воинам, и те, как один, подняли болтеры и открыли огонь. Очередь разрывных пуль косила несчастных выживших направо и налево, и хотя те молили о пощаде, Железные Воины были непреклонны.

Прошло всего несколько секунд — и погибли последние из пяти тысяч пленных, отправленных под огонь пушек Тор Кристо.

Хонсю заметил, что из дыма появилась еще одна фигура: женщина шла пошатываясь, осторожно удерживая руку у груди. Он прицелился ей в голову.

Но выстрелить не успел — чья-то рука в латной перчатке резким взмахом отклонила его оружие в сторону. Зарывав, он потянулся к мечу.

Кроагер одним движением обнажил свой клинок и лезвием оттолкнул руку Хонсю, тянущуюся к ножнам. Тот отступил, и его бледное лицо исказилось от ярости. — Проклятье, Кроагер! Ты зарываешься.

Кроагер усмехнулся и, повернувшись к нему спиной, схватил единственную выжившую под обстрелом за китель и поднял на уровень глаз.

— Видишь эту женщину, полукровка? В ней есть мужество. Пусть она и на побегушках у Лже-Императора, но в ней есть мужество. Скажи этому безродному дворняжке, как тебя зовут, человеческое существо.

На лице женщины отразилось непонимание, и Кроагер повторил приказ. Хонсю увидел, что взгляд пленной прикован к губам Кроагера, и понял, что она, скорее всего, оглохла от грохота взрывов.

Наконец она, видимо, поняла смысл обращенных к ней слов и прохрипела:

— Лейтенант Ларана Уториан, 383-й Драгунский Джурана. И ты дал слово...

Кроагер рассмеялся и кивнул.

— Да, но ты же не думала, что я его сдержу?

Женщина отрицательно качнула головой. К удивлению Хонсю, Кроагер бросил ее к ногам одного из своих командиров отделений и приказал:

— Отведи ее к хирумехам, пусть отрежут раненую руку и установят протез. Потом приведешь ее ко мне.

— Ты оставляешь ее в живых, Кроагер? Почему? Милосердие тебе не к лицу.

— Не смей лезть в мои дела, полукровка, — огрызнулся Кроагер, и Хонсю заметил, что он так же удивлен собственным решением. — Лучше не забывай об этом, но я впустую трачу время, поучая тебя. Кузнец Войны хочет, чтобы ты и твои люди собрали информацию о ближних к крепости рубежах обороны. Теперь, когда у меня есть схема огневых зон, я могу начинать первую параллель.

— Прежде чем мы выясним расположение ближних редутов и ловушек?

— Да, мы должны действовать как можно быстрее. Или ты думаешь, что тебя приказы Кузнца Войны не касаются?

— С твоей стороны неразумно приступать к устройству траншей, пока мы не узнаем больше, — заметил Хонсю.

— А ты — всего лишь безродный щенок, недостойный командовать ротой Железных Воинов. От тебя смердит нашим древним врагом. Ты и твоя ублюдочная рота. Ты позоришь символ Железных Воинов, нося его на своем доспехе, и я не могу без слез думать о будущем нашего Легиона, если в его рядах такие нечистые гибриды, как ты.

Хонсю стоило немалых сил не дать волю горькому гневу, охватившему его, и он так крепко сжал рукоять меча, что побелели костяшки пальцев. Как просто было бы выхватить меч из ножен и напасть на Кроагера, но именно этого и ждал его соперник — чтобы он доказал, что недостойн быть Железным Воином. С трудом он унял свой гнев и заметил в глазах Кроагера разочарование, когда тот понял, что вызов его останется без ответа.

— Будет так, как приказывает Кузнец Войны, — сказал Хонсю и отвернулся.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/674214>